

УДК 32.019.51

DOI: 10.34670/AR.2020.71.51.002

Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе

Медушевский Николай Андреевич

Доктор политических наук,
доцент кафедры культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, пл. Миусская, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Политика памяти, - это важный для любого государства инструмент мягкой силы, который получил особую актуальность в условиях развития информационного общества. За счет вовлечения людей в коммуникативный процесс, у политических сил появляются дополнительные возможности для мобилизации электората через моделирование его восприятия прошлого. Именно такая стратегия на современном этапе применяется практически всеми восточно-европейскими государствами, в том числе и Чешской Республикой. Опыт данной страны представляется уникальным в силу особого пути ее исторического развития после кризиса социалистической системы, и в связи с ее успешной интеграцией в Европейский союз, подтверждением чего являются самые высокие в Восточной Европе экономические и социальные показатели. В данной статье политика памяти в Чешской республике анализируется, прежде всего, как фактор сплочения общества и моделирования его реакции на внутренние и внешние политические вызовы. Различные аспекты трансформации общества складываются в уникальную политику Чешской республики по формированию исторической памяти, ключевые аспекты которой находят отражение в данной статье.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Политика памяти в Чешской Республике на современном историческом этапе // Теории и проблемы политических исследований. 2020. Том 9. № 4А. С. 19-33. DOI: 10.34670/AR.2020.71.51.002

Ключевые слова

Политика памяти, места памяти, коммунизм, национализм, образовательная политика, молодежь.

Введение

Политика памяти – это тема актуальная для любого народа, поскольку каждый народ нацелен на создание собственной истории, представляющей для него интеграционный стимул, и каждая политическая система стремится использовать историю, чтобы придать процессу интеграции определенный выгодный в данный момент дизайн. Чешское общество в данном контексте не является исключением, хотя, во многом, представляет уникальный пример, отличающий его модель политики памяти от соседних государств, например, Польши или Венгрии.

Специфический подход к политике памяти, который можно охарактеризовать, на наш взгляд, словом «умеренный», коренится в тех успехах, которых Чехия добилась уже после вступления в Европейский союз.

В немалой степени об успехах могут свидетельствовать показатели качества жизни, покупательной способности, безопасности и здравоохранения, которые в отдельных случаях конкурируют даже с показателями ФРГ [Иванова, 2019].

Тем не менее несмотря на успехи в развитии, Чехия остается частью своего региона и в своем развитии отталкивается от имеющихся в нем ресурсов, включая ресурс исторической памяти. Это в полной мере обуславливает тот факт, что в чешском политическом и социальном дискурсе просматриваются темы, связанные со Второй Мировой войной, нацистской оккупацией, советским периодом, периодом распада Чехословакии и современным этапом существования страны в ЕС.

Фактор чешского национализма

Немаловажным и достаточно противоречивым фактором социально-политического развития Чехии является вопрос национализма, так как именно национализм во многих странах Восточной Европы, например, в Польше, странах Прибалтики или на Украине стимулировал правительства и общества к переписыванию истории и т.н. «воинам памяти», в том числе в отношении итогов Второй мировой войны и периода Холодной войны. В Чехии также есть националистические партии и в их число входят «Национальная партия» (2002—2011 гг.), «Рабочая партия» (Была запрещена по решению Высшего административного суда 17 февраля 2010 года), «Рабочая партия социальной справедливости» (Рабочая партия социальной справедливости фактически стала идейным наследником запрещенной «Рабочей партии». Партия имеет два места в совете города Крупка), «Рассвет — Национальная коалиция» (право-популистская и евроскептическая политическая партия в Чехии.), «Чешский суверенитет» (политическая партия, с 2011 г. отстаивающая позиции евроскептицизма) и «Свобода и прямая демократия», которая является действующей и самой сильной популистской партией страны. Партия «Свобода и прямая демократия» - это самая жесткая евроскептическая и антииммиграционная правая политическая партия Чехии, которая занимает 22 места из 200 в Чешской палате депутатов от созыва 2017 года.

Тем не менее, не смотря на достаточно широкую националистическую палитру в Чешской республике, следует, во-первых, отметить ее современную антиэмигрантскую направленность, и во-вторых, ее относительно низкий уровень в сравнении с соседними государствами.

Тем не менее многие чешские аналитики и журналисты сегодня активно рассуждают на тему

национализма, как фактора сплочения общества, представляя его в различном свете. Одним из таких авторов, к примеру, является Филипп Оутрата [Outrata, 2015], который отмечает, что в последние годы изменился состав националистов. Если раньше лозунги о том, что «нет ничего кроме народа» звучали прежде всего из уст уличных маргиналов, то сегодня защита народа как сообщества, как уникальной нации, обладающей ценностями и общими интересами, по его мнению, становится программой части политического истеблишмента. Филипп Оутрата связывает данное явление со страхом, который общество испытывает перед потоком мигрантов и беженцев, подступающих к национальным границам, а также перед Европейским союзом, который может принудить Чехию открыть двери этому потоку. В данной связи автор уподобляет ЕС Германской и Советской империям и пишет дословно следующее: «Кажется, что сегодня целый ряд людей смотрит на ... ислам с подобным ужасом, с которой наши бабушки и дедушки смотрели на подъем нацизма. Для кого-то Европейский союз является сегодня тем же, чем была нацистская или советская империи. Распространяется ... ожидание приближающегося краха ... конца мира, каким мы его знаем». И в данном случае общество прибегает к идее национализма, общности крови и общей исторической судьбы, как к своего рода последнему средству, которое может спасти государство.

В данном контексте интересны рассуждения еще одного чешского автора, - Петра Баника, который идет дальше и рассуждает о идейной структуре и мотивах чешского национализма. В своем эссе «Český národ a český nacionalismus. O národě teoreticky a historicky» [Bahník, 2002] данный автор предлагает условную палитру или спектр национализма, который находит свое выражение не только в привычном правом, но и в левом крыле, и среди центристов. В частности, Баник отмечает, что левый фланг чешских политических настроений, в его радикальном варианте представлен, к примеру марксистами-анархистами, которые продвигают идею слияния наций и культур в целях создания мультикультурального общества, и видят средствами создания такого общества массовую иммиграцию и дробление общества на меньшинства в интересах искажения культурно-языковой однородности существующего государства.

Второй подход, который выделяет автор, и который практически не характерен для соседних государств, является неосталинизм, который он называет «продуктом исторического развития коммунистического движения». Основой для данного движения Баник видит идею «социалистического патриотизма», которая была характерна для СССР периода Второй мировой войны и после нее. Хотя этнический элемент в данной концепции стоит на втором месте, эта концепция, тем не менее, подходит для мобилизации населения в кризисные периоды, например, в условиях массовой миграции, угрожающей государству и нации.

Переходя к центру и правому крылу, Баник усматривает в Чехии специфический конгломерат левых концепций и элементов правого либерализма, который обеспечивает «гуманистический» взгляд на развитие и трансформацию общества. В частности, данный центристский взгляд опирается на марксистский тезис о социальной эволюции и движении в сторону лучшего будущего, в идеале представленного социализмом, а также о направляющей роли государства в этом процессе. В тоже время акцент делается и на принцип свободы индивида. Автор связывает этот тренд с философским наследием Гердера в котором речь идет о духе народа, но в современной чешской интерпретации данная концепция естественным образом оказывается увязана с существованием определенных прогрессивных идеалов. Петр Баник связывает данный тренд с наследием Т. Г. Масарика, который пытался играть на чешском

национальном чувстве и идеях чешского гуманизма что нашло выражение, в том числе, в селективном подходе к национальным историческим традициям, и в частности гуситско-евангелистской гуманистической традиции, которая во время президентства Масарика стал своего рода идеологией первой чехословацкой республики.

Также отличаются подходы к национальной идее и у правых сил, действующих в чешском обществе. Так, например, в палитре представлены ультралиберальные взгляды, в рамках которых превозносится индивидуализм, таким образом доказывается право на существование любой идентичности, в том числе и на коллективном уровне. В отдельных случаях здесь можно говорить об анархистской риторике, хотя ее вряд ли можно назвать популярной в чешском обществе. В данной риторике общественные процессы оцениваются исключительно с точки зрения экономической эффективности, и предполагается, что любые связи между людьми имеют квазиэкономический характер. В таких условиях именно индивидуальные экономические свободы становятся гарантией работы и сохранения демократических механизмов. В данной концепции национальная идентичность становится факультативной и оправдывается лишь при условии высоких доходов общества. В противном же случае она скорее выступает в качестве балласта, например, на пути абсолютной интеграции в единое европейское экономическое пространство.

Тем не менее, несмотря на широкий спектр взглядов на суть национализма и национальных интересов, абсолютный приоритет в Чехии принадлежит консервативно-либеральным силам, которые также обладают определенными национальными и патриотическими чувствами.

Эти силы видят в национализме, во-первых, противовес коммунистической социальной демагогии и, во-вторых, источник демократических свобод. Народ, однако, с этой точки зрения понимается скорее, как политическое образование, нежели как этническая группа.

Следует отметить, что к вопросу национальной идентичности в чешской интерпретации добавляются смежные проблемы, а именно вопрос религиозного и патриотического восприятия роли гуситов в чешской истории, а также вопрос языковой идентичности, так как в Чехии разные лидеры нео-консервативных взглядов отличаются в трактовке данного вопроса. Следует отметить, что данные вопросы являются следствием, в том числе, исторического австрийского доминирования, следы которого сохраняются в стране до сих пор, и связаны, в том числе с интеграцией страны в ЕС вместе с Австрией и Германией.

Материалы и методы

Анализируя чешскую политику памяти, мы обращаемся к различным типам источников, позволяющим интерпретировать национальную историческую память как конструируемый феномен, связанный с образовательной, культурной, социальной политикой и имеющий выражение как в социальных практиках, так и в нормативной деятельности и даже в философской интерпретации.

В числе ключевых методов, которые используются нами для анализа существующего социального порядка, следует назвать сравнительный исторический анализ, предполагающий сопоставление проявлений исторической памяти на различных отрезках исторического развития государства, а также нормативный анализ, предусматривающий обращение к нормам и институционализированным принципам и практикам, имеющим место в чешской политике в исследуемый период.

В контексте применения обозначенных методов уместным является обращение к социальной практике восприятия политики памяти как механизма социального структурирования общества.

Провал в историческом знании чешского общества и его преодоление

Несмотря на наличие глубокого исторического пласта чешской идентичности, многие современные деятели культуры и науки усматривают провал исторического восприятия в современном чешском обществе, что особенно касается молодежи. Причем этот провал в чешском обществе существует уже давно, и на это в своем интервью «Историческая память Чехов» еще в 2006 году указывал, к примеру чешский публицист Павел Августин¹. Так он, в том числе, описывал случай, когда школьники в музее сочли гуситов участниками Второй мировой войны. Августин в данном интервью констатирует, что «Было бы желательно, чтобы дети знали историю своей родины, по крайней мере, в прошлом веке, хотя бы начиная со Второй мировой войны. Без этого знания они не могут понять современность. Интерес детей в этом случае лучше всего могут пробудить их родители, бабушки, дедушки, соседи, и другие старожилы. Это их долг» [Pavec, 2006].

Также П. Августин говорит в интервью о том, что отношение к истории у молодого поколения не изменилось, так как в истории всегда был заинтересована только определенная часть людей, как молодых, так и взрослых, и ситуация изменилась только в соотношении с советским прошлым, когда изучение формализованной истории носило обязательный характер и существовало противостояние общества официальной линии партии.

Слова П. Августина находят теоретическое подкрепление в работе Ю. Сурта и С. Пфейферовой «Коллективная память как предмет историко-социологического изучения» [Šubrt, 2010], в которой они, в том числе, ссылаются на Цветана Тодорова [Todorov, 1998]. Авторы отмечают, что одним из признаков памяти является избирательность, так как воспоминания нестабильны и со временем меняются. «Память характеризуется вытеснением неприятных переживаний и опыта, а также устранением определенных тем, а также переписывание отдельных биографий, созданием новых мифов или возрождением старых ран и обид» [Šubrt, 2010]. Все эти тенденции являются естественными, но также могут становиться и следствием политики памяти, которую, например, в XX веке, реализовывали тоталитарные режимы, пытавшиеся коренным образом трансформировать подконтрольные им общества. Тем не менее несмотря на то, что современные общества уже давно не подвергаются принудительному подавлению исторических воспоминаний, они все равно сталкиваются с риском потери памяти и забвения.

Однако, важно отметить, что причины этого «нового забвения» отличны от прошлых, и если раньше информация пряталась, чтобы про нее забыли, то сегодня она слишком обильна и в ней просто невозможно разобраться. Таким образом человек просто судит об истории «по верхам», не пытаясь проникнуть в суть событий, и даже если он испытывает такое желание, он все равно должен прорываться через множество трактовок одних и тех же событий прошлого. Все это, в

¹ Pavec M. Historická paměť Čechů je krátká. Zena.aktualne.cz. 07. 12. 2006. URL: <https://zena.aktualne.cz/historicka-pamet-cechu-je-kratka/r-i:article:304122/>

конечном итоге, может привести к ««правлению варварства», к онемению, потере любопытства и забвению» [Todorov, 1998].

Преодоление провала исторического знания

Эти проблемы «неуправляемости» историческим прошлым отчетливо осознаются на уровне чешского политического руководства. Следствием этого становится комплексная политико-административная деятельность, которая с годами активизируется. Ее ярким примером можно считать принятие в 2013 году «Рекомендаций министерства образования по преподаванию истории XX века». О «политкорректности» данного документа можно говорить даже на основе прочтения его преамбулы, в которой говорится о том, что учителя истории всех уровней школьного образования должны сосредоточить внимание на преподавании истории 20-го века, с акцентом на современное ее толкование. Акцент должен делаться на беспристрастности и сбалансированности преподавания. Причем, что показательно, преподавание истории должно охватить не весь XX век, а только его период, который обозначен как: «1914 / 18-1989 / 91» и назван коротким XX веком или «эпохой крайностей». Название данного периода эпохой крайностей не случайно, так как концепция подразумевает с одной стороны позитивный опыт, например беспрецедентное развитие науки и техники, значительное расширение социальной обеспеченности граждан государством, освобождение женщин и великие художественные и культурные преобразования, а с другой негативные события, связанные с подавлением основных прав человека, к бессердечному обращению с человеком, государственным терроризмом на классовой, расовой, этнической или религиозной основе.

Концепция констатирует исторический феномен разделения мира на два идеологических лагеря «мир демократических и недемократических государств (авторитарный и тоталитарный системы), а также страны «третьего мира»».

Постсоветский период интерпретируется в позитивном ключе и тут предлагается делать особый акцент на достижениях евро интеграции и трансатлантического сотрудничества

Вопросу соотношения нацизма и коммунизма в данном документе уделяется особое внимание. В частности, его авторы констатируют, что чешское общество XX-го века испытало опыт самых влиятельных недемократических режимов - нацизма и коммунизм. На нашу жизнь сегодня все еще влияют прежде всего опыт работы с коммунистическим режимом, поэтому «акцент следует сделать на истории второй половины XX-го века. Обучение должно быть сосредоточено на идеологических и властных механизмах, которые применялись в продвижении недемократических систем, в контексте социальной лояльности, коррупции или пассивности большинства населения. В этом контексте следует обратить внимание и на параллельно возможное злоупотребление идеями свободы и прав человека на политических примерах религиозного экстремизма и терроризма» [Stradling, www...].

Анализируя данный документ, следует отметить, что он в значительной степени нацелен на вдумчивое восприятие истории со стороны учеников. В частности на это указывает тезис о том, что Цель изучения тоталитарных и недемократических режимах XX века не только описать их, но и понять причины, которые привели к их созданию и поддержке значительной частью населения. Ученики также должны быть знакомы с повседневными историями людей, поскольку они могут раскрыть им мотивы того или иного образа поведения в определенный исторический период. Здесь же делается акцент и на символическую мемориальную политику, и отмечается необходимость ознакомления студентов с историческими местами, например,

отмечаются Мемориал в Лидице и Мемориал Терезина.

Показательно, что в «Рекомендациях министерства образования по преподаванию истории XX века» предлагается использовать в рамках обучения истории достаточно умеренную концепцию истории XX века, предложенную еще в 2001 году Робертом Стрэдлингом, в работе «Как преподавать европейскую историю 20-го века». Данную работу, на наш взгляд можно считать умеренной, так как в ней автор четко обозначает, что существует проблема оценки той роли, которую история как дисциплина играет в интерпретации мифов, бросающих вызов критическому изучению популярных интерпретаций, предположений и установок, которые могут иметь поддержку различных слоев общества. Как он пишет, Любая образовательная программа, посвященная 20-му веку в национальной и европейской истории, может затрагивать темы, вопросы и проблемы, которые до сих пор остаются деликатными и противоречивыми. Это относится, в частности, к темам, которые, если их преподавать объективно или под разными углами, могут вызвать критику со стороны определенных групп, в том числе некоторых родителей и, возможно, даже политических лидеров, что в частности и происходит во многих европейских странах и в России в т.ч.

Также Стрэдлинг констатирует, что ученики могут понять сложность современного мира, только изучая и размышляя о более широком влиянии, которое сформировало мир за прошедшее столетие. Разнообразие учебных тем и значительный объем информации, доступной сегодня из разных источников, ставят перед учителем еще одну проблему. Как помочь ученикам получить целостный обзор 20-го века, чтобы они могли понять, как на самом деле взаимосвязанные политические, социальные, культурные и интеллектуальные изменения действительно взаимодействовали.

Все это характеризует рекомендации чешского министерства образования как достаточно умеренные и нацеленные на поиск в историческом образовании определенного компромисса.

Тем не менее, 2013 год, когда были опубликованы, описанные выше рекомендации, от сегодняшнего дня отделяет семь лет, и за это время контекст чешской политики памяти претерпел некоторую трансформацию и даже характеризовался скандалом, произошедшим в 2018 году.

Основанием для скандала стал релиз службы информационной безопасности Чешской республики (BIS) от 2017 года, в котором было заявлено, что учебник, посвященный национальному возрождению Чешской республики, носит пророссийский и панславистский характер. Служба информационной безопасности в данном отчете в целом констатировала рост российского влияния в стране и сконцентрировала внимание именно на образовательной проблематике.

В отчете было заявлено, что «Современная история, представленная в школах, де-факто является советской версией современной истории и является прорусской и панславистской. Этой тенденцией характеризуется даже учебник чешского языка и литературы» [Zelenka A. Co nezmlůžou ruští hackeři... zvládne české školství! BIS varovala před panslovanstvím. Cz.sputniknews.com. 13.12.2018]. Несмотря на провокативность и соответствие общему восточно-европейскому тренду, в Чехии данный релиз был воспринят критически, в том числе и в историческом сообществе. Здесь, например, уместно привести реакцию историка Яна Ручлика, который в интервью агентству «Спутник» отметил, что этот реверанс в сторону панславизма является вполне естественным, так как соответствует исторической реальности. «Несомненно, на данном этапе национального возрождения это было явление положительное, позже, однако, выяснилось, что объединение славян политически невозможно, потому что здесь

нет единства политических интересов, и таким образом, это обусловлено историческим развитием».

Относительно самого отчета BIS, чешский историк Ян Ручлик отметил в обозначенном интервью, что не воспринимает его серьезно, хотя отчасти признал, что это элементы переписывания истории. «Я думаю, что это каким-то образом исключить нельзя. Тем не менее ... Я бы не принимал это всерьез. В конце концов, секретные службы всех стран мира, просто ищут шпионов и опасность там, где ее нет... Несомненно, это часть нашей истории и культуры».

Историческая память в Чехии является отнюдь не только атрибутом образовательного процесса, но также, как например в Польше или в Прибалтике, превращена в достояние общества в целом, и здесь также можно усмотреть тенденцию последних 15 лет.

В данном контексте интерес представляет комплексный проект под названием «Память народа», нацеленный на популяризацию информации о прошлом.

«Память народа» – это проект, созданный еще в 2008 году и представляющий, по оценкам его создателей, самую крупную коллекцию исторических воспоминаний по таким темам, как «Церкви и религиозные общины», «Холокост», «Коммунизм», «Нацизм», «Национальные меньшинства», «Политические заключенные», «Спецслужбы» и «Ветераны». Фактически именно эти восемь маркеров сегодня являются ключевыми темами для чешской политики памяти, и именно эти маркеры составляют основу национальной исторической политики. В свою очередь проект «Память народа» нацелен на популяризацию их содержания, так как хранящиеся на данном портале документы доступны для всех желающих, зарегистрированных и незарегистрированных, для учебных целей как еще один источник познания прошлого.

Коллекцией «Память народа» управляет сервисная компания Post Bellum, которая была основана еще в 2001 году журналистами и историками. В свою очередь Post Bellum сотрудничает с партнерскими организациями – Чешским радио и Институтом по изучению тоталитарных режимов, а также с Чешским телевидением и десятками партнеров из Европы, России, США и других стран.

Наряду с сохранением и популяризацией исторических документов и мемуаров, чешское правительство заботится и о реконструкции мест памяти, связывающих различные эпохи. Одним из таких мест, на современном этапе стала заброшенная тюрьма в Угерском Градишти, в которой наряду с административными зданиями будет размещен музей, посвященный репрессиям нацистов и коммунистов [Vězňici v Uherském Hradišti začali vyklízet dělníci. Budoucí muzeum v ní připomene krutosti komunistů. ČT24. 13. 02. 2020.].

Обсуждение

Отрицание коммунистического прошлого как фактор мобилизации общества после 1990 г.

Несмотря на многообразие аспектов чешской политики памяти в постсоветский период, коммунистическая проблематика для чешской политики памяти на протяжении трех последних десятилетий оставалась приоритетной, и даже наш анализ школьной программы или деятельности проекта «Память народа», демонстрируют наличие выраженного акцента в сторону памяти о преступлениях именно коммунистического режима.

В целом этот крен объективен, так как коммунистический режим был самым долгим и заключительным, по сравнению с остальными, испытанием чешского общества. Но тем не менее сохраняет свою актуальность вопрос о том, насколько тема преступлений

коммунистического периода актуальна в Чехии сегодня и о том, как она эволюционировала. На наш взгляд понять и оценить данное влияние возможно лишь сопоставив отдельные периоды постсоветской истории Чехии, и здесь основой для нашего обзора служит работа чешского автора Мишала Копечека «Чехия: от политики истории к памяти как политическому языку», изданная в 2013 году. В данной работе автор исходит из тезиса, что в основе формирования новой Чешской государственности в 1989 году изначально лежала идея компромисса различных политических сил, включая коммунистов, которые на тот момент не имели социальной поддержки, однако эта изначальная идея политического компромисса постепенно трансформировалась в идею политического отчуждения, а затем и люстрации всей старой политической элиты на основе текущего социального запроса. Вся данная трансформация в Чехии (Чехословакии) заняла не более одного года и уже в 1990 году вопрос люстрации старого истеблишмента оказался на повестке рассмотрения [Nadedsky, 2008], что было продиктовано активной деятельностью различных групп гражданского общества, например, Конфедерации политических заключенных. Последняя в этот переходный период продвигала целый ряд законов. Здесь следует пояснить, что политическим заключенным в Чехии признается гражданин, который был в период с 25 февраля 1948 года до конца 1989 года приговорен национальными судами за сопротивление против коммунистического режима за поступки и действия, которые могут быть согласно закону № 119/1990 Sb. и закону № 198/1993 Sb., квалифицированы как политически мотивированные. Кроме того, в этот период борьба с коммунистическим наследием в принципе становится политическим мейнстримом, что в конечном итоге приводит к расколу в Гражданском форуме, который делится на Гражданскую демократическую партию Гражданское Движение по степени радикализма желаемых преобразований.

Несколько позже процесс люстрации усиливается и приобретает системный характер, будучи распространен на бывших видных деятелей Коммунистической партии, членов Народной милиции и сотрудников Государственной безопасности, а также иные «неблагонадежные категории» [Kosař, 2009], однако итоговым шагом в процессе декоммунизации Чешского общества становится лишь принятие «Закона о незаконности коммунистического режима и О противодействии ему» (№.198/1993 Coll.)», который был ратифицирован чешским парламентом в июле 1993 года и стал символом наиболее важной правовой меры в Чешской Республике в отношении социалистического прошлого. Фактически речь идет о делигитимации прошлого режима, и именно с этого момента можно говорить о том, что Чехия, во-первых, вступила в новую эпоху либерального развития, и во-вторых, начала реализовывать комплексную политику памяти, которая продолжается до сих пор.

Суть данной политики и тогда и сегодня неизменна и сводится к тезису о том, что период Чехословацкого коммунистического правления с февраля 1948 по ноябрь 1989 года был периодом непрерывного тоталитарного правления, которое было историческим отклонением от естественного пути чешской и европейской истории [Rupnik, 2002]. В данной связи показательной является деятельность Управления по документированию и судебному преследованию коммунистических преступлений² во главе с бывшим диссидентом и

² Примечание: Возникла 1 января 1995 года путем слияния Бюро по документации и расследованию деятельности государственной полиции (Министерство внутренних дел) и Центра документации незаконности коммунистического режима (Генеральная прокуратура). С 1 января 2002 года является частью Службы криминальной полиции и следствия (Полиция Чешской республики).

католическим правым политиком Вацлавом Бендой. За время существования организации до 2013 года по ее инициативе было подано 82 обвинительных заключения в общей сложности по 110 людям [Drabík, [www...](#)], хотя отдельные правозащитные организации Чехии называли деятельность данной организации не эффективной.

Управление по документированию и судебному преследованию коммунистических преступлений, в частности, критиковали за нераскрытие информации из архивов ЦК и выборочные показательные процессы, не нацеленные на достижение абсолютной справедливости. Хотя другие источники отмечают, что деятельность Управления была связана не только с процессами, но и с документированием преступлений и архивной работой.

Показательно, что «борьба» с коммунистическим наследием в Чехии в 1990-ые гг. реализовывалась не только на институциональном уровне, но и на уровне гражданского общества, и возможно даже более активно. И здесь можно говорить о социальном дискурсе, который, в том числе поддерживался бывшими диссидентами. Этот дискурс развивался на фоне аналогичного международного осуждения преступлений коммунистического режима.

Мишал Копечек в работе «Чехия: от политики истории к памяти как политическому языку» [Корецек, [www...](#)] отмечает со ссылкой на международных экспертов, что без люстрации и гражданской активности начала 1990-ых годов Чехия не смогла бы стать по-настоящему демократическим государством и дальше двигаться по пути интеграции в ЕС. Здесь, в частности, Копечек отмечает роль чешского правосудия, которое заняло очень взвешенную позицию, с одной стороны, не поддавшись забвению прошлого, но с другой, не пойдя по пути насильственного возмездия, как это, например, произошло в Прибалтике. В свою очередь данное уравновешенное положение обеспечило высокую легитимность, так как оказалось способно привлечь широкие социальные группы [Calhoun, 2004].

Еще одной, пожалуй, даже более приоритетной темой, чем судебные разбирательства и законодательные изменения стал вопрос о том, кто действительно поборол коммунистический режим, и какой момент можно считать по настоящему переломным. Если рассматривать исторически принятую и изначально официальную версию, то коммунистическая партия была сломлена диссидентской оппозицией в 1989 году, когда между элитами антикоммунистической оппозиции был достигнут консенсус, основанный на принятии ценностей Хартии 1977 года. Здесь, в частности, отмечается роль будущей пост-диссидентской Либеральной партии и ее лидеров Петра Питарта, Иржи Динстбьера и др.

Вторая точка зрения сводилась к тому, что коммунистическую номенклатуру побороло чешское общество. Мишал Копечек называет данный подход консервативно-неолиберальным. В нем речь тоже идет о консенсусе, но прежде всего о социальном, которому искусственная власть просто не могла противостоять. Дополнительным фактором, который здесь отмечается, является роль церкви, которая также стала мобилизующей силой. С этой точки зрения 1989 год не был переломным, потому что коммунистический перестроечный реформизм сменился либеральным прагматизмом, который был столь же элитарным и аморальным.

Вторая точка зрения долгое время не пользовалась популярностью, но у него были и сподвижники в лице историков-любителей, например, Zora Dvořáková, Petr Radosta или Ota Rambousek [Sommer, 2012]. Популярность данная концепция набрала только в 2000 годы, когда к власти пришли консервативные силы, делавшие ставку на социальный консенсус. Можно сказать, что в это время историческая память чехов политизируется повторно, и это связано с попыткой мобилизации общества через идею патриотизма вокруг консолидированных консервативных сил, которые выражали антилиберальную критику не в социальном, а в

культурном и символическом плане [Mark, 2010]. Кроме того наметился и политический акцент борьбы, который происходил от Мирека Тополанека и Вацлава Бенды, выступивших против Коммунистической партии Чехии, заявив о том, что пока она существует, общество не может освободиться от тоталитарного прошлого, и что, политика памяти, - это часть большой национальной политики. Это имело следствием ряд попыток принудительного роспуска Коммунистической партии, например в 2010 году, когда со стороны сенатора Яромира Штедины было заявлено следующее: «Аргумент, в принципе, один. Есть подозрение – и сенат парламента Чешской Республики это подтвердил своим заявлением, что коммунистическая партия нарушает пятую статью конституции Чешской Республики, которая гласит, что частью нашей политической системы могут быть только такие движения и партии, которые отрицают насилие как путь к достижению своих политических целей. Марксизм и ленинизм является главной основой действий коммунистической партии. Вот и все. Если вы прочтаете коммунистический манифест, то чем он заканчивается? «Мы можем достичь своих целей только применением насилия» [Прокофьева, www...].

Кроме того, в тот же период речь шла и о снижении выплат бывшим сотрудникам чешского КГБ, чтобы, за счет этой меры, повысить доход людей, которые активно боролись против коммунистического режима.

Несколько ранее, в 2007 году данная риторика получила практическое выражение в создании Института по изучению тоталитарных режимов (USTR), который декларировал, что на его платформе исследуется два периода современной истории: время нацистской оккупации 1939-45 и время коммунистического господства 1948-1989. Его деятельность фокусируется на антидемократической деятельности сил безопасности государства, а также, анализируются обстоятельства, при которых из демократической системы может вырасти авторитарный режим.

Как отмечает Мишал Копечек в работе «Чехия: от политики истории к памяти как политическому языку» именно в этот период фактор национальной памяти из диссидентского инструмента эмансипации превращается в поддерживаемый государством проект гражданского образования, который подчеркивает голоса жертв и противников коммунистического правления. И здесь показательно, что Институт по изучению тоталитарных режимов становится важным инструментом, обеспечивающим новую интерпретацию истории прошлого и, в том числе, роли в нем «третьего сопротивления», направленного именно против коммунистического режима по аналогии с сопротивлением против Габсбургов или нацистов в период Второй мировой войны. Речь идет о том, что само явление третьего сопротивления требует доказательства, так как это было не общее и разрозненное явление, не имевшее милитаризованной основы, однако Институт по изучению тоталитарных режимов настаивает именно на такой трактовке.

Более того, утверждение роли «третьего сопротивления» нашла и политико-правовую интерпретацию в законе о третьем сопротивлении, который, среди прочего, стремился реабилитировать и финансово компенсировать представителей активного антикоммунистического сопротивления [Каймаков, www]. При этом внимание привлекает аспект «активного сопротивления», которое, например, не учитывает диссидентскую деятельность и пассивный протест, который был гораздо более распространен, и по мнению отдельных политиков, оказал большее влияние на результат.

Несмотря на резонанс в политической и социальной среде, который вызвало принятие закона «О третьем сопротивлении» можно констатировать, что с этого момента тема тоталитарного прошлого в Чехии постепенно отходит на периферию, и объясняется это

одновременно достигнутым результатом – четкое разделение преступников и жертв, но также и неоднозначностью принятого решения, и той политической ролью, которая оказалась возложена на Институт по изучению тоталитарных режимов, которому, в частности, было доверено определять лиц, участвовавших в сопротивлении, или выпускать дидактические материалы для образовательной политики. Эти миссии оказались достаточно почетными, но сама организация оказалась к ним не достаточно готова, так как начала реализовывать их с позиции «борьбы за историческую память», в то время, как чешское общество в этот период уже жаждало примирения с прошлым, о чем говорит Мишал Копечек в работе «Чехия: от политики истории к памяти как политическому языку» [Кореšек, www...], и о чем свидетельствует проведенный нами выше анализ рекомендаций по обучению школьников истории XX века.

Заклучение

Проведенный анализ позволяет нам констатировать, что современная Чехия уделяет большое внимание вопросам исторической памяти. Историческая память в данной стране служит инструментом социального моделирования, что роднит Чехию с другими Восточно-Европейскими странами. Тем не менее политику памяти в Чехии можно охарактеризовать как умеренную, что во многом связано с мягкой трансформацией ее государственности от коммунистического авторитаризма к либеральной демократии. Тем не менее развитие либеральной демократии потребовало от чехов жестко обозначить свое отношение к истории и особенно к ее социалистическому периоду. В 1990-2000 гг. это даже превратило историческую память в инструмент политической борьбы между политическими силами. Тем не менее как показало исследование, после 2011 года роль исторической памяти в публичной политике снижается, и она интегрируется в социальную и образовательную политику, хотя до сих пор находятся силы, заинтересованные в ее политизации. Тем не менее политика памяти более не составляет основы чешского национализма, который в гораздо большей степени связан с текущими европейскими проблемами, например, неконтролируемой миграцией.

Библиография

1. Иванова Е. Уровень жизни в странах мира, рейтинг 2019 года. Basetop.ru. 07.03.2019. URL: <https://basetop.ru/uroven-zhizni-v-stranah-mira-rejting-2019-goda/>
2. Каймаков А. Депутаты поддержали закон об антикоммунистическом сопротивлении. Radio.Cz. 16.06.2011 URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/deputaty-podderzhali-zakon-ob-antikommunisticheskom-soprotivlenii>
3. Прокофьева К. Гражданские демократы взяли за коммунистов. Radio.Cz. 26.02.2010. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/grazhdanske-demokraty-vzylis-za-kommunistov>
4. Bahník P. Český národ a český nacionalismus. O národě teoreticky a historicky. euportal.cz. 28.10.2011. URL: <https://www.euportal.cz/Articles/8267-cesky-narod-a-cesky-nacionalismus-o-narode-teoreticky-a-historicky.aspx>
5. Calhoun N. Dilemmas of Justice in Eastern Europe's Democratic Transitions. New York and Houndmills: Palgrave Macmillan, 2004. 226 pp. Drabík M. Nejasná zpráva o konci ÚDV. URL: http://www.cibulka.net/nnoviny/nn2001/nn02_2001/obsah/02.htm
6. Doporučení mšmt k výuce dějin 20. století. MŠMT. URL: <http://www.msmt.cz/vzdelavani/zakladni-vzdelavani/doporuzeni-msmt-k-vyuce-dejin-20-stoleti-1>
7. Husitský prapor nad Hradem vyvolal roztržku s Vatikánem. Masaryk radostí zpíval a tančil. ct24.ceskatelevize. 20. 01. 2018. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2364214-husitsky-prapor-nad-hradem-vyvolal-roztrzku-s-vatikanem-masaryk-radosti-zpival-a>
8. Kopeček M. Czech Republic: From the Politics of History to Memory as Political Language. www.cultures-of-history. 02.12.2013 URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/czech-republic-from-the-politics-of-history-to-memory-as-political-language/>

9. Konfederace politických vězňů České republiky. URL: <https://www.kpv-cr.cz/o-nas/>
10. Kosař D. Lustrace a běh času, in *Komunistické právo v Československu. Kapitoly z dějin bezpráví*, edited by Michal Bobek, Pavel Molek and Vojtěch Šimíček, Brno: Mezinárodní politologický ústav, Masarykova univerzita 2009, pp. 228-258.
11. Mark J. *The Unfinished Revolution: Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern Europe*. New Haven, CT & London: Yale University Press, 2010, xxviii + 312pp.
12. Nadedsky N. Czechoslovak and the Czech and Slovak Republics, in *Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: Reckoning with the Communist Past*, edited by Lavinia Stan, London: 2008, pp. 37-75.
13. Outrata F. Obrana nacionalismu. *Deník Referendum*. 07.10.2015 URL: <http://denikreferendum.cz/clanek/21412-obrana-nacionalismu>
14. Pavec M. Historická paměť Čechů je krátká. *Zena.aktualne.cz*. 07. 12. 2006. URL: <https://zena.aktualne.cz/historicka-pamet-cechu-je-kratka/r~i:article:304122/>
15. Paměť národa. URL: <https://www.pametnaroda.cz/cs/o-projektu>
16. Pro školy. Ústav pro studium totalitních režimů (ÚSTR) URL: <https://www.ustrcr.cz/pro-skoly/>
17. Přehled případů vyšetřovaných na ÚDV. www.policie.cz. URL: <https://web.archive.org/web/20160305011615/http://www.policie.cz/clanek/prcehled-pripadu-vysetrovany-udv.aspx>
18. Rise of Nationalism in Europe following BBC. [Reddit.com](https://www.reddit.com). URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/dzi3fy/rise_of_nationalism_in_europe_following_bbc/
19. Rupnik J., *The Politics of Coming to Terms with the Communist Past: The Czech Case in Central European Perspective*, *Tr@nsit online* 22 (2002), retrieved 11 February 2015, URL: <http://www.iwm.at/read-listen-watch/transit-online/the-politics-of-coming-to-terms-with-the-communist-past-the-czech-case-in-central-european-perspective/>.
20. Sommer V. Cesta ze slepé uličky "třetího odboje": Koncepty rezistence a stadium socialistické diktatury v Československu // *Soudobé dějiny* № 1. 2012. pp. 9-36.
21. Šubrt J., Pfeiferová Št. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání // *Historická sociologie* №1. 2010. URL: <https://historicalsociology.cuni.cz/HS-31-version1-2subrt.pdf>
22. Todorov Tz. Paměť před historií. In: *Antologie francouzských společenských věd: Politika paměti*. Cahiers du Cefres 13, 1998. s. 33–46.
23. Stradling R. Jak učít evropské dějiny 20. století. URL: <http://www.msmt.cz/vzdelavani/zakladni-vzdelavani/jak-ucit-evropske-dejiny-20-stoleti>
24. Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu. www.policie.cz. URL: <https://www.policie.cz/clanek/urad-dokumentace-a-vysetrovani-zlocinu-komunismu-679905.aspx>
25. Věznici v Uherském Hradišti začali vyklízet dělníci. Budoucí muzeum v ní připomene krutosti komunistů. ČT24. 13. 02. 2020. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/regiony/zlinsky-kraj/3047430-veznici-v-uherskem-hradisti-zacali-vyklizet-delnici-nepohodlnych-se-v>
26. Zelenka A. Co nezmožou ruští hackeři... zvládne české školství! BIS varovala před panslovanstvím. Cz.sputniknews.com. 13.12.2018. URL: <https://cz.sputniknews.com/ceskarepublika/201812138691237-Cesky-historik-odpovedel-na-kritiku-BIS-panslovanstvi/>
27. Zákon ze dne 9 července 1993 o protiprávnosti komunistického režimu a odporu proti němu, Sbírka zákonů č. 198/1993, URL: <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/sb198-1993.pdf>.

The memory policy in the Czech Republic at the present historical stage

Nikolai A. Medushevskii

Doctor of Political Science,
Associate Professor at the Department of the culture of peace and democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6 Miusskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Abstract

The politics of memory is an important instrument of soft power for any state, which has gained particular relevance in the context of the development of the information society. By involving

people in the communicative process, political forces have additional opportunities to mobilize the electorate through modeling their perception of the past. It is this strategy that is currently used by almost all Eastern European states, including the Czech Republic. The experience of this country appears to be unique due to the special path of its historical development after the crisis of the socialist system, and in connection with its successful integration into the European Union, as evidenced by the highest economic and social indicators in Eastern Europe. In this article, the politics of memory in the Czech Republic is analyzed, first of all, as a factor of social cohesion and modeling of its reaction to internal and external political challenges. Various aspects of the transformation of society add up to the unique policy of the Czech Republic for the formation of historical memory, the key aspects of which are reflected in this article.

For citation

Medushevskii N.A. (2020) Politika pamyati v Cheshskoi Respublike na sovremennom istoricheskom etape [The memory policy in the Czech Republic at the present historical stage]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovanií* [Theories and Problems of Political Studies], 9 (4A), pp. 19-33. DOI: 10.34670/AR.2020.71.51.002

Keywords

Politics of memory, places of memory, communism, nationalism, educational policy, youth.

References

1. Ivanova E. The standard of living in the countries of the world, rating of 2019. Basetop.ru. 07.03.2019. URL: <https://basetop.ru/uroven-zhizni-v-stranah-mira-rejting-2019-goda/>
2. Kaymakov A. Deputies supported the law on anti-communist resistance. Radio.Cz. 06/16/2011 URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/deputaty-podderzhali-zakon-ob-antikommunisticheskom-soprotivlenii>
3. Prokofiev K. Civil Democrats took up the communists. Radio.Cz. February 26, 2010. URL: <https://www.radio.cz/ru/rubrika/radiogazeta/grazhdanskie-demokraty-vzyalis-za-kommunistov>
4. Bahník P. Český národ a český nacionalismus. O národě teoreticky a historicky. euportal.cz. 28.10.2011. URL: <https://www.euportal.cz/Articles/8267-cesky-narod-a-cesky-nacionalismus-o-narode-teoreticky-a-historicky.aspx>
5. Calhoun N. Dilemmas of Justice in Eastern Europe's Democratic Transitions. New York and Houndmills: Palgrave Macmillan, 2004. 226 pp. Drabík M. Nejasná zpráva o konci ÚDV. URL: http://www.cibulka.net/noviny/nn2001/nn02_2001/obsah/02.htm
6. Doporučení mšmt k výuce dějin 20. století. MŠMT. URL: <http://www.msmt.cz/vzdelavani/zakladni-vzdelavani/doporuzeni-msmt-k-vyuce-dejin-20-stoleti-1>
7. Husitský prapor nad Hradem vyvolal roztržku s Vatikánem. Masaryk radostí zpíval a tančil. ct24.ceskatelevize. 20.01.2018. URL: <https://ct24.ceskatelevize.cz/domaci/2364214-husitsky-prapor-nad-hradem-vyvolal-roztrzku-s-vatikanem-masaryk-radosti-zpival-a>
8. Kopeček M. Czech Republic: From the Politics of History to Memory as Political Language. www.cultures-of-history. 12/02/2013 URL: <https://www.cultures-of-history.uni-jena.de/debates/czech/czech-republic-from-the-politics-of-history-to-memory-as-political-language/>
9. Konfederace politických vězňů České republiky. URL: <https://www.kpv-cr.cz/o-nas/>
10. Kosář D. Lustrace a běh času, in Komunistické právo v Československu. Kapitoly z dějin bezpráví, edited by Michal Bobek, Pavel Molek and Vojtěch Šimíček, Brno: Mezinárodní politologický ústav, Masarykova univerzita 2009, pp. 228-258.
11. Mark J. The Unfinished Revolution: Making Sense of the Communist Past in Central-Eastern. Europe. New Haven, CT & London: Yale University Press, 2010, xxviii + 312pp.
12. Nadedsky N. Czechoslovak and the Czech and Slovak Republics, in Transitional Justice in Eastern Europe and the former Soviet Union: Reckoning with the Communist Past, edited by Lavinia Stan, London: 2008, pp. 37-75.
13. Outrata F. Obrana nacionalismu. Deník Referendum. 07.10.2015 URL: <http://denikreferendum.cz/clanek/21412-obrana-nacionalismu>
14. Pavec M. Historická paměť Čechů je krátká. Zena.aktualne.cz. 07.12.2006. URL: <https://zena.aktualne.cz/historicka-pamet-cechu-je-kratka/r-i:article:304122/>

15. Paměť národa. URL: <https://www.pametnaroda.cz/cs/o-projektu>
16. Pro školy. Ústav pro studium totalitních režimů (ÚSTR) URL: <https://www.ustrcr.cz/pro-skoly/>
17. Přehled případů vyšetřovaných na ÚDV. www.policie.cz. URL: <https://web.archive.org/web/20160305011615/http://www.policie.cz/clanek/prcehled-pripadu-vysetrovany-udv.aspx>
18. Rise of Nationalism in Europe following BBC. [Reddit.com](https://www.reddit.com). URL: https://www.reddit.com/r/europe/comments/dzi3fy/rise_of_nationalism_in_europe_following_bbc/
19. Rupnik J., The Politics of Coming to Terms with the Communist Past: The Czech Case in Central European Perspective, *Tr @ nsit online* 22 (2002), retrieved 11 February 2015, URL: <http://www.iwm.at/read-listen-watch/transit-online/the-politics-of-coming-to-terms-with-the-communist-past-the-czech-case-in-central-european-perspective/>.
20. Sommer V. Cesta ze slepé uličky "třetího odboje": Koncepty rezistence a stádium socialistické diktatury v Československu // *Soudobé dějiny* No. 1. 2012. pp. 9-36.
21. Šubrt J., Pfeiferová Št. Kolektivní paměť jako předmět historicko-sociologického bádání // *Historická sociologie* №1. 2010. url: <https://historicalsociology.cuni.cz/HS-31-version1-2subrt.pdf>
22. Todorov Tz. Paměť před historií. In: *Antologie francouzských společenských věd: Politika paměti. Cahiers du Cefres* 13, 1998 s. 33–46.
23. Stradling R. Jak učít evropské dějiny 20. století. URL: <http://www.msmt.cz/vzdelavani/zakladni-vzdelavani/jak-ucit-evropske-dejiny-20-stoleti>
24. Úřad dokumentace a vyšetřování zločinů komunismu. www.policie.cz. URL: <https://www.policie.cz/clanek/urad-dokumentace-a-vysetrovani-zlocinu-komunismu-679905.aspx>
25. Věznici v Uherském Hradišti začali vyklízet dělníci. Budoucí muzeum v ní připomene krutosti komunistů. ČT24. 13.02.2020. url: <https://ct24.ceskatelevize.cz/regiony/zlinsky-kraj/3047430-veznici-v-uherskem-hradisti-zacali-vyklizet-delnici-nepohodlnych-se-v>
26. Zelenka A. Co nezmůžou ruští hackeri... zvládne české školství! BIS varovala před panslovanstvím. Cz.sputniknews.com. 12/13/2018. URL: <https://cz.sputniknews.com/ceskarepublika/201812138691237-Cesky-historik-odpovedel-na-kritiku-BIS-panslovanstvi/>
27. Zákon ze dne 9 července 1993 o protiprávnosti komunistického režimu a odporu proti němu, *Sbírka zákonů č. 198/1993*, URL: <http://www.ustrcr.cz/data/pdf/normy/sb198-1993.pdf>.